

Капитан I ранга Николай Юрьевич Авраамов, которому посвящен первый роман В. Пикуля «Океанский патруль», был в числе тех офицеров русского флота, кто до конца своей жизни верой и правдой служил своему Отечеству. В разгаре войны ему было доверено создание на Соловецких островах Школы юнг ВМФ. Единственный его сын Юрий учился здесь в роте боцманов вместе с будущим писателем. После войны каждый из них выбрал свой путь в жизни: Пикуль — литературу, Авраамов — флотскую службу. Они переписывались, встречались, и, как отблески этой дружбы, сохранились у Юрия Николаевича скупые, немногословные письма Валентина Саввича. Некоторые из них не датированы. Публикуя выдержки из этих писем, мы приоткрываем лишь небольшую страницу нелегкой, полной драматических событий жизни писателя, ушедшего от нас два года назад. Увы, его окружали не только друзья...

Дорогие Эра Павловна¹ и Юрий Николаевич!

Вчера звонила Тамара Николаевна², — у нее, бедной, даже голос изменился!.. Мы с Вероникой³ пожелали ей мужества — других слов не нашли⁴...

Юра! Обратите внимание, что даже «Детгиз» оказался смелее «Морского сборника», где мне с пуританской строгостью выбросили пьянство лейтенанта Ильина⁵.

Осенью надеюсь выслать вам «Битву железных канцлеров» (из истории дипломатии)...

...Долго не писал — дело в том, что Вероника спикировала в то состояние, которое врачи называют «предынфарктным». Сейчас, слава Богу, выгрывается. А было очень тяжело...

Сами понимаете!
Сейчас глубокая ночь.
Живем еще на даче.
Вокот коты в черном лесу.
Вероника спит.
Я бодрствую.
Пишите.

Ваш Валя Пикуль.

Наши дорогие Эра Павловна, Юрий Николаевич — и Тамара Николаевна, ежели она находится рядом с вами!

Мы надеемся, что у вас все в порядке и Юра уже толкает штангу весом в 127,5 кг. Врачи правы, говоря, что существуют тысячи инфарктов, и каждый из них самостоятелен. Но и характер у каждого больного тоже уникален... У меня перед глазами живой пример в лице Вероники, которая после инфаркта трудится еще больше, нежели вкалывала до инфаркта.

Очевидно, ежели будете в Майори на отдыхе, то милости просим к нам.

...Теперь о книге: «Битва железных канцлеров» вышла... Подробности расскажу при встрече.

От души всех обнимаем, дай вам Бог здоровья и счастья. Вероника рядом — хлопчет, как всегда.

Она кланяется.
Кажется, 27.08.77.

Валентин Пикуль.

Дорогие Эра и Юра!

Посылаю вам второй (майский) номер журнала. Не знаю, что будет дальше, но, по слухам, следующие два номера будут подвергнуты ужасающим переделкам и сокращениям. В том случае, если они вообще явятся в свет!

Такова судьба литератора...

Сегодня, благодаря заботам Малькова⁶,

Веронику отвезут врачи в военно-морской госпиталь для рассмотрения внутри и снаружи.

Сейчас сижу и работаю.

Другого выхода нет.

Надо!

Вал. Пикуль.

Дорогие ребята!

Одновременно с журналом посылаю и «Моонзунд». Журнальные публикации не подписываются мною. Будьте снисходительны к авторским слабостям. Я, честно говоря, читать не стал. И посему не знаю, что там напечатано.

Поверьте — название вещи (идиотское!) я узнал только тогда, когда получил журнал в руки⁷.

Всех вас обнимаем!

Ваши Пикули.

06.03.79 г.

Дорогой наш Юра, здравствуй!

Только что... вынул из ящика твое письмо и даю сразу же ответ, что никак не вяжется с моим безалаберным характером.

что в Публичной библиотеке имени Ленина нет моих книг — все разворовали, как и водится по русскому обычаю...

Дорогие Эра и Юра, здравствуйте!

Не поймите так, что с глаз долой — из сердца вон! Просто замотался, а ничего из приятностей сообщить не было⁸. Главная глупость, что «Советский писатель» не хочет теперь печатать мою «Окини-Сан» в полном изложении, а желает теперь публиковать обьедки, напечатанные в журнале. Буду сражаться: лучше совсем не иметь книги, нежели иметь ее в убудочном состоянии. Пока что дал согласие на публикацию этих огрызков только Польше...

Живем с Тосей⁹, если говорить о личной жизни, хорошо и ласково. Только скоро буду ее уничтожить — она, видите ли, барыня такая, не желает уходить с работы.

...Поверьте, новостей много, а событий нету. Так, однажды, при известии о смерти Наполеона знаменитый Талейран сказал:

— Помилуйте, это не событие, а только новость...

...Сейчас обоюдно сочиняем для Парижа предисловие (сиречь — преамбулу) для французского издания «Пером и шпагой». Переводчик пишет, что издание поддерживается нашим посольством в Париже... Переводчик просит не обижаться, что длинные русские фразы перетолмачил в краткие, что удобнее, по его мнению, для

Я закончил новый роман. На столе уже лежат гранки еще одного романа — «Каждому свое» (о французском генерале Моро).

США печатает, точнее, переводит мою «Битву железных канцлеров». Шум велик, но только не в печати, где меня по-прежнему не замечают.

...Я тут сильно болел, думал — подохну, а Тося возилась с внуком, который недавно съел свои метрики. Живем дружно. Это поддерживает...

Ваш Пикуль.

Дорогие Эрочка и Юрочка!

...Вот только Тося принесла с почты верстку известного вам романа «Три возраста Окини-Сан», отвергнутого «Советским писателем» в Ленинграде. На этот раз роман печатает московское издательство «Современник», после чего зашевелился и Калининград, родной вам с серией «Морской роман». В романе 400 страниц, три картинки. Сразу же за титульным листом следует посвящение вам, которому отведен целый чистый лист.

Живем мы хорошо, дружим и любим друг друга, хотя в напряженной обстановке событий и травмы сохранять спокойствие иногда трудно. «Красная звезда» попробовала ударить по мне, но не рассчитала удара и попутно задела старых заслуженных людей с подлодки К-21: теперь они пошли в Политуправление армии и флота, дошли уже до ЦК партии... Так что грызутся они, а не я! Дело в том, что эта похабная статья (о ней — при встрече) появилась только для того, чтобы закрыть издание «Роман-газета», где начали набирать мой «Реквием каравану PQ-17». Слава Богу, там оказались умные люди — и роман с производства не сняли, он уже вышел, у меня на полке (с портретом)... «Фаворит» тоже пошел как будто бы в дело, редактор уже отъездила, уже натрела мне нервы, уже накупила себе всякого рижского барахла (за чем, кажется, и ездил сюда). Картинки ужасные! Глаза бы мои их не видели, но задерживать набор нельзя... Выйдет, говорят, в конце этого года, но я не верю, думаю, что в конце следующего года.

Сейчас пишу, по уши в 1942 году, а что получится — не знаю и вам знать не желаю, так это страшно. В Париже вышел мой новый роман «Пером и шпагой», а откликов на него во Франции (мне их присылают) было столько, что на родине за всю жизнь не имел и сотой доли того. Печатают статьи с моими портретами, украшенные иллюстрациями.

Дорогие мои, не сердитесь за долгое молчание. Знаете, как тяжело и трудно живется, времени нет, а главные причины уже объяснил...

Нежно вас обнимаю и целую.

Валя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жена Ю. Аврамова.

² Мать Ю. Аврамова.

³ Жена В. Пикуля.

⁴ У Ю. Аврамова был инфаркт.

⁵ Речь идет о романе «Моонзунд».

⁶ Контр-адмирал, командир Рижской базы ВМФ.

⁷ Имеется в виду роман «Нечистая сила», опубликованный в 1979 г. в журнале «Наш современник» под названием «У последней черты» и сокращенный в соответствии с идеологическими установками.

⁸ В 1979 году Пикули переехали на новую квартиру, которая находилась неподалеку от центра города, на тихой уютной улице Весетас. Но омрачали это радостное событие болезнь жены и постоянная травля за роман «Нечистая сила». Вероника Феликсевна угасала с каждым днем... В конце 1979 года она умерла.

Валентин Саввич долго не мог заставить себя сесть за письменный стол. Он решил уехать из Риги, забыть.

В Калининграде В. Пикуль встретил контр-адмирал Ю. Аврамов с женой. У них-то и гостил писатель весной 1980 года целый месяц.

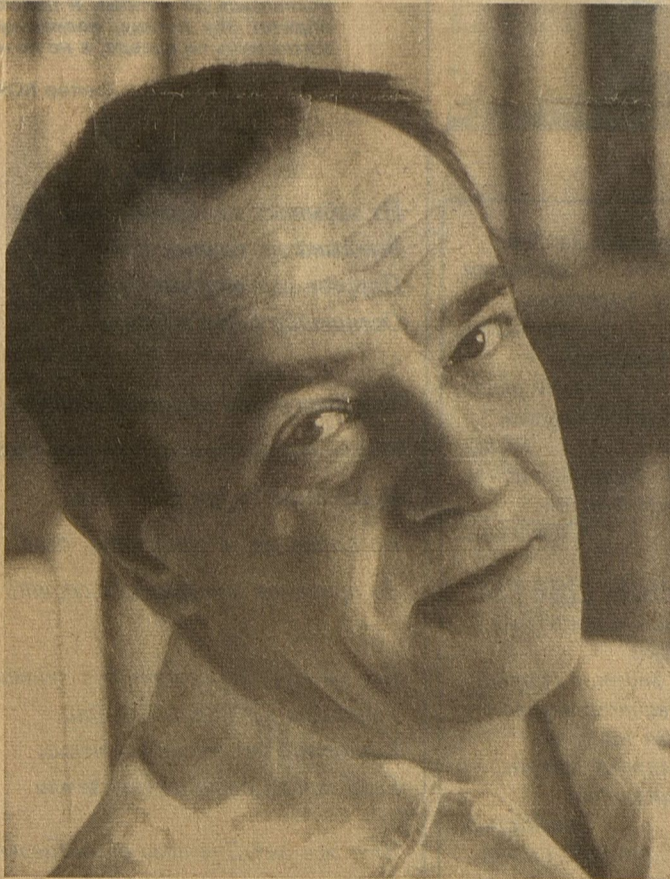
После поездки в Калининград Пикуль возвратился домой. Надо было работать. Он довольно часто и в предыдущие годы заходил в библиотеку Дома офицеров Прибалтийского военного округа, хорошо знал ее заведующую — обаятельную, отзывчивую женщину, которая прекрасно разбиралась в литературе, искусстве, истории. Через некоторое время Антонина Ильинична стала хозяйкой его дома.

⁹ Антонина Ильинична.

Публикация, предисловие и примечания

Владимира КОНДРИЯНЕНКО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судьбы загадочные строки

Неизвестные письма
Валентина Пикуля Авраамовым

...Примерно месяц назад получил сигнальный экземпляр нового романа...

Веронике лучше... Ничего не ест, кроме какао и мороженого, но поправляется. Один раз даже сели в такси и поехали в валютный магазин, где она купила мне куртку, а то я совсем оборвался...

Кстати, у меня появились сразу два соавтора: режиссер Калатозов и журналист Романов — скребут киносценарий по моему «Богатству», то есть о Камчатке... «Караван» же все хвалят... Если дать эту вещь киношникам, они понаставят листов фанеры и кисточкой нарисуют на них заклепки с иллюминаторами, — сие, по их неведению, будет означать «комнату» внутри корабля, где они и станут пугать Божий дар с натуральной яичницей...

Час тому назад меня покинул один гость, московский композитор, который сказал,

французского глаза. Пусть так! Еще он признал, что русский язык гораздо богаче и при переводе очень многое на французском теряется...

Таковы дела! В Праге вышел мой двухтомник «Битва железных канцлеров», болгары издали мой «Реквием». Еще новость: был у нас Сергей Никоненко, актер и режиссер, тот, что сыграл С. Есенина (он похож на него): желает ставить «Богатство», но это — в будущем.

10.08.82 г.

В. Пикуль.

Дорогие Эра и Юра!

Посылаю вам посылку, ибо бандероли (как и письма с моим адресом — обратным) уже не доходят.

...Получилось так, что за границей «Окини-Сан» издали раньше, чем у нас.